

Литовскія Епархіальныя Вѣдомости

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОЙ.

ВЫХОДЯТЪ
по
ВОСКРЕСЕНЬЯМЪ.

2-го АПРѢЛЯ 1900 ГОДА.

Подписная цѣна съ пересылкою 5 рублей.
Отдѣльные №№ Литовскихъ Епарх. Вѣд. за прошедшіе годы по 3 коп., а за 1897, 1898 гг. и 1899 г. по 10 к. (марками).

Подписка принимается въ г. Вильнѣ, въ Редакціи Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей.

№ 14.

При печатаніи объявленій, за каждую строку или мѣсто строки взимается:

за одинъ разъ 10 коп.
” два раза 15 ”
” три раза 20 ”

СОДЕРЖАНІЕ № 14.

Мѣстныя распоряженія. Назначенія. Утвержденіе въ должности церк. старосты. Отъ Лит. Дух. Консисторіи. Распоряженія по Гродненской епархіи. **Мѣстныя извѣстія.** Преподаніе Архипастыр. благословенія. Награды. Извѣстія по Гродн. епархіи. Кража. Вакансіи. **Неофициальный отдѣлъ.** О великихъ поклонахъ на литургіи преждеосвященныхъ Даровъ. Обмѣрженіе религиозныхъ началъ. Погребеніе прот. А. Ковалевскаго. † В. П. Барановская. Чинъ введенія новопоставленнаго пароха. Объ употребленіи древними христіанами цвѣтовъ при погребеніи. Объявленіе.

Мѣстныя распоряженія.

— 26 марта на вакантное мѣсто псаломщика при Юдицинской церкви, Дисненскаго уѣзда, назначенъ сынъ псаломщика *Платонъ Гайдамовичъ*.

— 27 марта на вакантное мѣсто псаломщика въ м. Глубокомъ, Дисненскаго уѣзда, назначенъ б. псаломщикъ *Николай Круковский*.

— 27 марта утвержденъ въ должности церковнаго старосты на 3 года выбранный къ Виленьской Николаевской церкви кол. сов. *Владиміръ Ивановъ*.

О передачѣ церковно-приходскихъ книгъ изъ Литовской въ Гродненскую Консисторію и о необходимости поставить о семъ въ извѣстность паству Гродненской епархіи.

Литовская духовная Консисторія симъ объявляетъ духовенству Литовской и Гродненской епархій, что 28 сего марта изъ архива Литовской консисторіи переданы въ Гродненскую таковую же всѣ метрическія книги, исповѣдныя росписи и клировныя вѣдомости съ 1840 года, — отъ начала Литовской епархіи по 1900 годъ — до времени выдѣленія изъ состава ея Гродненской епархіи и что за симъ съ прошеніями и съ требованіями документовъ и справокъ изъ указанныхъ книгъ, относящихся къ лицамъ родившимся, бракосочетавшимся, присоединившимся изъ иновѣрія и умершимъ въ предѣлахъ Гродненской епархіи — нужно обращаться не въ Вильну — въ Литовскую Консисторію, а въ Гродно — въ Гродненскую Консисторію. Во

избѣжаніе напрасной переписки и замедленія дѣлопроизводства необходимо и оо. Благочиннымъ и священникамъ объявить о томъ же своимъ паствамъ.

Распоряженія по Гродненской епархіи.

— 12 марта священникъ Ружанской церкви, Слонимскаго уѣзда, *Вильяновскій*, согласно прошенію, уволенъ заштатъ.

Мѣстныя извѣстія.

— 25 марта преподано Архипастырское благословеніе Его Высокопреосвященства всѣмъ жертвователямъ и лицамъ, трудящимся по сбору пожертвованій на предположенную постройку церкви въ м. Эйраголахъ, Россіенскаго уѣзда, а именно: предсѣдательницѣ мѣстнаго комитета по сему дѣлу О. И. Батуриной, казначею комитета А. А. Миллеру, Е. Т. Лычковой, В. А. Комовской, А. Т. Марковой, Н. И. Боборикиной, врачу В. П. Шапошникову и унтеръ-офицеру Г. Шамбуркину.

— **Награда.** 25 марта, за весьма хорошее поведеніе и усердіе къ службѣ, посвященъ въ стихарь псаломщикъ Каѳедрального собора *Тома Клетиковъ*.

Извѣстія по Гродненской епархіи.

— 20 сего марта Преосвященный Іоакимъ, Епископъ Гродненскій, выѣзжалъ въ м. Жировицы, Слонимскаго уѣзда для осмотра Жировицкаго духовнаго училища и Жировицкаго монастыря; возвращеніе Владыки въ Гродно состоялось 23 марта.

— Въ воскресенье, 26-го марта, преосвященный Іоакимъ, епископъ Гродненскій и Брестскій, совершилъ, въ сослуженіи соборнаго причта, освященіе Кирилло-Меовдѣевскаго придѣла Софійскаго каѳедрального собора, а затѣмъ божественную литургію.

— Преподано Архипастырское благословеніе за пожертвованія въ Телятицкую церковь, Брестскаго уѣзда, слѣдующимъ лицамъ: 1) Ея Превосходительству Елисаветѣ Семеновоу Ляиной, 2) церковному старостѣ Филип-

пу Мазуруку, 3) вдовѣ Агаѳи Максимукъ, 4) прихожанамъ, 5) причту, и 6) церковному братству Телятичской церкви.

— Кража. 21 марта, около 8¹/₂ час, утра. въ гродненскомъ мужскомъ Борисо-Глѣбскомъ монастырѣ обнаружена въ большой церкви кража изъ двухъ кружекъ мелкихъ денегъ и покушеніе на кражу изъ ризницы. Для совершения кражи злоумышленникъ проникъ въ церковь черезъ дверь, ведущую на колокольню и хоры, а ушелъ черезъ пономарскую, гдѣ былъ ключъ при двери внутренняго замка. Въ совершеніи кражи подозрѣвается звонарь монастыря.

А) ВАКАНСІИ СВЯЩЕННИКОВЪ ЦЕРКВЕЙ —

Виленской губерніи и уѣздовъ —

Дисненскаго въ с. Заборьѣ (25).

въ с. Залѣсьѣ—второго священника (19).

въ с. Старо-Шарковѣ (14).

Свенцянскаго въ с. Свѣтлянахъ (15).

Новоалександр. въ с. Красногоркѣ (4).

Ошмянскаго въ с. Михаловщизнѣ (4).

Ковенской губерніи и уѣздовъ —

Шавельскаго въ с. Ковнатовѣ (40).

Гродненской епархіи и уѣздовъ —

Кобринскаго въ с. Моголѣ (5).

Слонимскаго въ м. Ружанахъ (1).

Б) ВАКАНСІИ ПСАЛОМЩИКОВЪ ЦЕРКВЕЙ —

Виленской губерніи и уѣздовъ —

Трокскаго въ г. Трокахъ (5).

Ковенской губерніи и уѣздовъ —

Ковенскаго въ м. Кейданахъ (3).

Шавельскаго въ с. Ковнатовѣ (11).

Гродненской епархіи и уѣздовъ —

Кобринскаго въ с. Бездѣжѣ (при св.-Николаевской церкви) (2).

Бѣльскаго въ с. Цѣхановцѣ (15).

въ с. Тростяницѣ (2).

Бѣлостокскаго въ м. Хорощи (3).

При семь 14-мъ № Литовскихъ Епарх. Вѣдомостей прилагается преисъ-курантъ церковной утвари и образовъ фабрики Товарищества Немирова-Колодкина. Фирма Товарищества Немирова-Колодкина пользуется общимъ извѣстіемъ.

Неофициальный отдѣлъ.

О великихъ поклонахъ (съ произнесеніемъ молитвы св. Ефрема Сирина) на литургіи преждеосвященныхъ Даровъ послѣ „Буди имя Господне“.

Протоіерей К. Никольскій въ своемъ „Пособіи къ

изученію устава богослуженія православной церкви“ (изданіе 4-е СПб. 188 стр. 475) при изъяснительномъ изложеніи порядка литургіи преждеосвященныхъ Даровъ говорить: „въ великую среду послѣ: Буди имя Господне“ три великіе поклона“ и, въ подтвержденіе сказаннаго, ссылается при этомъ на Типиконъ (Тип. послѣд. вел. среды), гдѣ о поклонахъ на „Буди имя Господне“, какъ принадлежности *только великой среды*, вовсе ничего не говорится. Между тѣмъ, повидимому, слѣдуя указанію достоуважаемаго о. протоіеря К. Никольскаго, и другіе литургисты стали повторять подобное же замѣчаніе относительно великихъ поклоновъ на „Буди имя Господне“ при совершеніи литургіи преждеосвященныхъ Даровъ (Смотри наприм. Булгакова Настольная книга для священно и церковно-служителей, стр. 590 изд. 1892 г.).—Но намъ думается, что такого рода замѣчаніе съ уставомъ церковнымъ не согласно. По Уставу Православной Церкви при совершеніи литургіи преждеосвященныхъ Даровъ, въ какой бы день она ни отправлялась, всегда на „Буди имя Господне“ полагается творить великіе поклоны съ молитвою святаго Ефрема Сирина, также какъ и послѣ пѣнія „Да исправится молитва моя“ и послѣ перенесенія св. Даровъ съ жертвенника на св. престоль. Что-во *въ пятки* св. четьредесятницы при совершеніи литургіи преждеосвященныхъ Даровъ нужно творить на „Буди имя Господне“ великіе поклоны съ молитвою св. Ефрема Сирина,—на это имѣется прямое указаніе и въ Типиконѣ и въ Трїоди постной. Въ Трїоди постной въ послѣдованіи пятка первой седмицы св. поста сказано: подобаеъ вѣдати, яко во всѣхъ пяткахъ святыхъ и великія четьредесятницы на вечерняхъ и повечеріяхъ поклоновъ не творимъ, токмо воображенія въ преждеосвященной, еже есть по „Да исправится поклоны 3, по входѣ св. Даровъ поклоны 3 и на Буди имя Господне поклоны 3“. (См. „Пятокъ вечера по заамвонной молитвѣ“, въ концѣ). Тоже говорится и въ Типиконѣ. (См. послѣдованіе св. Четьредесятницы, въ пятокъ вечера первой седмицы во свѣтильничное, въ концѣ). Уставное замѣчаніе это столь ясно и опредѣленно, что относительно литургіи преждеосвященныхъ Даровъ, совершаемой въ *пятки* святыхъ четьредесятницы, едва ли можетъ быть какое либо сомнѣніе по вопросу о томъ, слѣдуетъ ли на „Буди имя Господне“ творить великіе поклоны съ молитвою св. Ефрема Сирина. А если во всѣхъ пяткахъ св. четьредесятницы при совершеніи литургіи преждеосвященныхъ даровъ на „Буди имя Господне“ нужно творить великіе поклоны, то можетъ ли быть и почему могло бы быть какое-либо изъятіе для *среды*? А что такого изъятія и дѣйствительно нѣтъ,—это открывается изъ послѣдованія вечера среды первой седмицы св. поста, какъ оно изложено въ Типиконѣ и въ Трїоди постной. Въ Типиконѣ сказано: и по исполненіи (да исправится молитва моя) творимъ поклоны... по происхожденіи св. Даровъ, исполняемъ „Нынѣ силы небесныя“, творимъ поклоны 3, непокровени суще... по заамвонной же молитвѣ „Буди имя Господне“ и метанія 3, „Благословляю Господа“ и т. д. Въ послѣднемъ случаѣ греческое слово *μετανοια*, которымъ именуются поклоны оставлено безъ перевода; въ греческомъ же подлинномъ текстѣ во всѣхъ случаяхъ поклоны обозначаются однимъ и тѣмъ же словомъ метанія (*μετανοια*). Конечно здѣсь не сказано великіе поклоны, великія метанія; но что при этомъ разумѣются великія поклоны съ молитвою св. Ефрема Сирина, въ этомъ едва-ли возможно сомнѣніе. Какіе же, какъ не великіе по-

клоны бывают по „Да исправится“, по „Нынѣ силы небесныя“ и проч.? Итакъ, не въ одну только великую среду страстной седмицы, а и во всѣхъ средахъ, также какъ и во всѣхъ пяткахъ св. четырехдесятницы въ преждеосвященной литургіи на „Буди имя Господне“ слѣдуетъ творить великіе поклоны (*metálos metanoías*).

Да иначе и быть не должно въ силу общаго правила, установленнаго церковію для совершенія великихъ поклоновъ за великопостнымъ богослуженіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, когда въ какомъ мѣстѣ чинопослѣдованій положено класть великіе поклоны съ молитвою св. Ефрема Сирина? Неизмѣнно въ концѣ каждаго послѣдованія. Уставомъ церковнымъ требуется творить великіе поклоны въ концѣ вечерни, повечерія, полунощницы, утрени,—перваго часа, третьяго часа, шестаго часа, девятаго часа и въ концѣ послѣдованія изобразительныхъ. Неужели же одна только литургія преждеосвященныхъ Даровъ, эта по преимуществу великопостная служба, не должна запечатлѣваться великими поклонами съ молитвою св. Ефрема Сирина, молитвою тоже по преимуществу постовою? Типиконъ и Триодъ постная говорятъ намъ, что нѣтъ, что во всѣхъ пяткахъ, а значить и во всѣхъ средахъ, а не въ одну только великую среду, святыхъ и великихъ четырехдесятницъ на вечерняхъ и повечеріяхъ поклоновъ не творимъ, токмо воображенныя въ преждеосвященной литургіи, еже есть по „Да исправится поклоны 3, по входѣ св. Даровъ поклоны 3 и на „Буди имя Господне“ поклоны 3... Тако творимъ во всѣхъ пяткахъ (добавимъ и средахъ) въ вечерь святыхъ и великихъ четырехдесятницъ“. (Кляш. Еп. Вѣд.).

Обмірщеніе религиозныхъ началъ.

I.

Духовно-общественная жизнь той или другой націи и даже цѣлаго человечества во многихъ отношеніяхъ представляетъ аналогію съ жизнью физическою. Когда какія-нибудь „новыя вѣянія“ проникаютъ въ одну область духовно-общественной жизни, они, подобно повѣтріямъ, мало-малу переходятъ и въ другія, смежныя, производя и тамъ соответствующія вліянія и измѣненія,—подобно тому какъ болѣзненные повѣтрія изъ одного района, при недостаткѣ соответствующихъ мѣръ предосторожности, легко проникаютъ въ соседнія.

Примѣровъ подобной заразительности „новыхъ вѣяній“ можно было бы указать множество. Но на этотъ разъ мы ограничимся однимъ, на который указано въ заголовкѣ настоящаго этюда, и который является, можетъ быть, наиболѣе характернымъ.

Обмірщеніе въ современной религиозно-общественной жизни представляетъ полнѣйшую аналогію съ извѣстными недугами современной „свѣтской“ жизни—*опрощеніемъ и демократизаціей науки*: и тамъ и здѣсь, какъ увидимъ, та же основная тенденція, тѣ же прискорбныя слѣдствія.

Со словъ Раскина и графа Толстаго, и на Западѣ, и у насъ за послѣднее время стали много говорить объ опрощеніи, о возвратѣ къ простой и непосредственной жизни „на лонѣ природы“. Какъ извѣстно, эти толки отчасти перешли у насъ уже и въ практику жизни, какъ это, на примѣръ, показываютъ „толстовскія“ поселенія на

Кавказѣ и тому подобныя явленія. Въ призывѣ къ опрощенію, къ отказу отъ нѣкоторыхъ губительныхъ „плодовъ цивилизаціи“, *самомъ по себѣ*, собственно нѣтъ ничего худого и предосудительнаго. Современному человѣку, вкусившему „плоды цивилизаціи“, дѣйствительно слѣдовало бы кое-отъ-чего отказаться, ограничить нѣкоторые свѣи, черезъ чуръ утонченные и изысканные ашиетигы, въ которыхъ гнѣздится множество золъ—для жизни общества столько же, сколько и для него самого. Проведите, однако, *последовательно* этотъ принципъ до его крайнихъ, но логически-законныхъ, выводовъ, или, по крайней мѣрѣ, взгляните попристальнѣе на его практическое примѣненіе, хотя бы, на примѣръ, у тѣхъ же „толстовцевъ“,—и вы увидите, что этотъ призывъ къ *опрощенію*, невинный самъ по себѣ, въ сущности, при современныхъ условіяхъ жизни, и нелѣпъ, и вреденъ.

И прежде всего, чтобы быть *последовательнымъ*, „опрощенецъ“ долженъ вѣдь *вообще* отказаться отъ современнаго культурно-соціального строя. Но въ немъ, при всѣхъ его темныхъ сторонахъ, много и хорошаго, чего никто не станетъ отрицать: наука, искусство, формы соціальной жизни, до извѣстной степени обезпечивающія человѣку безопасное, приличное и вообще сносное существованіе. Съ другой стороны, и въ „опрощенной“ жизни не все-то хорошо, достойно подражанія и желательнаго, ибо какъ скаазлъ еще Пушкинъ,—

И подъ издранными шатрами
Живутъ мучительные сны

И всюду страсти роковыя...

Подобное же слѣдуетъ сказать и о столь популярной теперь *демократизаціи знаній*. Просвѣщеніе конечно, лучше невѣжества: кто противъ этого спорить? Но не говоря уже о томъ, что просвѣщеніе просвѣщенію рознь,—слѣдуетъ вообще имѣть въ виду границы и условія просвѣдительныхъ насажденій. А между тѣмъ эти границы у насъ сплошь и рядомъ переступаются, и реальныя условія жизни, съ ея дѣйствительными требованіями, игнорируются.

Это особенно чувствуется въ тѣхъ случаяхъ, когда, не довольствуясь общими разсужденіями и пожеланіями относительно „демократизаціи“, у насъ начинаютъ заговаривать, на примѣръ, о „народныхъ университетахъ“, о *всеобщемъ* обученіи и прочемъ подобномъ. Наука вещь хорошая, сила могучая, но—лишь до той поры пока она не профанируется и не размѣнивается на площадяхъ и рынкахъ на мѣдные дѣяки „общедоступныхъ“ (читай: прогрессивно-утилитарныхъ) знаній. Если же это съ нею случается, то она изъ властной царицы тотчасъ же превращается въ рядовую подданную и перестаетъ не только *реально управлять* жизнью и сознаниемъ людей, но даже и *номинально* въ немъ „царствовать“.

„Обмірщеніе религиозныхъ началъ“, при *последовательномъ* проведеніи въ современное общественное сознаніе и жизнь, привело бы къ подобнымъ же аномаліямъ и даже, можетъ быть, къ еще болѣе серьезнымъ.

Оно проявляется въ настоящее время въ двухъ главныхъ формахъ. Разсмотримъ каждую изъ нихъ въ отдѣльности.

II.

Въ настоящее время много говорятъ у насъ о „по-

воротѣ въ общественномъ сознаниі, — въ смыслѣ его *возврата* къ религіознымъ началамъ жизни. Это, пожалуй, въ общемъ вѣрно. Но болѣе внимательные наблюдатели жизни не безъ основанія замѣчаютъ, что этотъ „поворотъ“ какой-то неполный и односторонній. О религіозныхъ вопросахъ у насъ, дѣйствительно, говорятъ съ замѣтнымъ интересомъ, но вмѣстѣ и — съ замѣтнымъ налетомъ какой-то бесплодной мистики, если только не прямо *игры* въ высокія темы: религіозно попрежнему *не живутъ*, въ храмы ходятъ мало, уставы и обычаи церковные не исполняютъ и т. д. Словомъ, къ Церкви *подходятъ* какъ будто близко, но въ нее *не входятъ*.

Что-жъ тутъ дѣлать? Если народъ не идетъ въ Церковь, то не слѣдуетъ ли желать, чтобы она сама пошла къ нему, — не слѣдуетъ ли вынести святыню на площадь, чтобы она была къ народу ближе?

Такъ многіе въ настоящее время думаютъ; но, по нашему мнѣнію, думаютъ совершенно ошибочно. Это — то же опрощеніе, та же демократизація, — только въ иной формѣ, потому что въ иной сферѣ.

Возьмемъ конкретный примѣръ. Янъ Стыка выставилъ свою извѣстную картину, и она, какъ кажется, и доселѣ продолжаетъ собирать большое количество зрителей. Хорошо это или дурно, — въ смыслѣ подъема современнаго общественнаго религіознаго сознания?

На этотъ вопросъ нельзя дать одного общаго отвѣта: все зависитъ отъ того, какъ къ „панорамѣ“ относиться. Если въ ней видѣть прежде всего созданіе художника Стыки, если обращать вниманіе какъ въ его творчествѣ отразились религіозные идеалы, если, словомъ, разсматривать „панораму“ съ чисто-эстетической точки зрѣнія, — тогда нѣтъ никакихъ основаній чѣмъ-либо въ ней или по ея поводу смущаться. Напротивъ, ея появленію, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, можно даже радоваться. Отрадно, напримѣръ, что крупный художникъ взялъ для обработки христіанско-религіозный сюжетъ, а не какой-нибудь языческой; что общество, вмѣсто сомнительныхъ и предосудительныхъ „развлеченій“, посвящаетъ свой досугъ и свое вниманіе произведеніямъ серіознаго и высокаго искусства.

Совсѣмъ другое дѣло, если „панорамѣ“ руководителями общественно-религіознаго сознания, а вслѣдъ за ними и обществомъ, народомъ, придается религіозное значеніе, если на нее начинаютъ смотрѣть какъ на средство пробужденія и подъема въ сознаниі общества или народа религіозныхъ движеній. Тогда „панораму“ легко смѣшиваютъ (особенно простой народъ) съ иконой, и такъ какъ иконѣ во всякомъ случаѣ не мѣсто въ „панорамѣ“ и на Цвѣтномъ бульварѣ, то многіе могутъ соблазняться и дѣйствительно (припомнимъ письмо къ издателю „Московскихъ Вѣдомостей!“) соблазняются. Выходитъ, такимъ образомъ, вмѣсто пользы вредъ, — вредъ соблазна, вредъ обмирщенія святыни, а иногда и (если Голгоу Яна Стыки смотрятъ люди религіозно-равнодушныя и развязно, вслухъ всѣхъ, о ней судятъ и, можетъ-быть, ее осуждаютъ) оскорбленія святыни.

Нашу мысль пойметъ и, вѣроятно, признаетъ правильною тотъ, кто вспомнить объ иныхъ по формѣ, но по сущности совершенно однородныхъ, только развѣ лишь болѣе грубыхъ, проявленіяхъ того же „обмирщенія“, — проявленіяхъ, которымъ, къ счастью, пока еще мѣсто не у насъ, а на Западѣ.

Я разумѣю театральныя представленія съ религіозными сюжетами.

У насъ еще не дошло до того, чтобы разрѣшать подобныя представленія (какъ бы не дошло!). Но даже и на Западѣ, у Нѣмцевъ, напримѣръ, когда Зудерманъ вывелъ на сцену Іоанна Крестителя, а Ибсенъ учителей Церкви: Василія Великаго и Григорія Богослова (въ своей драмѣ: „Кесарь и Галилеянинъ“), — даже и тамъ, то есть въ обществѣ съ ослабленнымъ религіознымъ сознаниемъ, особенно на первыхъ порахъ, было замѣтно большое смущеніе, и „выразители лучшаго сознаниа“, съ самимъ императоромъ во главѣ, возвысили противъ постановки на сценѣ указанныхъ пьесъ свой громкій протестъ (Johannes Зудермана, какъ извѣстно, былъ въ концѣ концовъ разрѣшенъ къ постановкѣ, но императоръ по принципу не былъ ни на одномъ представленіи и заявилъ, что никогда не пойдетъ смотрѣть эту драму, представляющую соблазнъ для религіознаго чувства; произведеніе же Ибсена разрѣшено къ постановкѣ лишь въ одномъ театрѣ, — самомъ отдаленномъ и непопулярномъ).

Казалось бы, что въ смыслѣ подъема религіознаго сознания слѣдовало поступить иначе... Однако, люди, которымъ никто не откажетъ въ проницательности разсудили иначе. И справедливо, конечно!

Повторяемъ: на нашъ взглядъ, Голгоу Стыки и Johannes Зудермана на театральной сценѣ — явленія совершенно однородныя. Если же мы безъ колебанія признаемъ несомнѣннымъ съ духомъ и строемъ нашей жизни постановку на сценѣ Зудермановскаго Іоанна Крестителя или Ибсеновскаго Кесаря и Галилеянина, если мы считаемъ своимъ долгомъ ограждать отъ этого соблазна „малыхъ сихъ“, то непонятно какимъ образомъ мы относимся иначе, положимъ, все къ той же картинѣ Яна Стыки? Говоря строго, картина подобнаго рода мѣсто въ Эрмитажѣ или Музеѣ. Но если ужъ, по тѣмъ или другимъ причинамъ, приходится дѣлать изъ нихъ „панораму“ и даже на Цвѣтномъ бульварѣ, то прямая обязанность авторитетныхъ руководителей общественнаго религіознаго сознания — заботиться о томъ, чтобы ихъ разсматривали именно какъ произведеніе искусства, а не какъ священное изображеніе, вынесенное, къ соблазну „малыхъ силъ“, изъ храма на площадь, на праздное „позорище“ и, можетъ-быть, кощунство. Зло здѣсь въ томъ, что снята ограда между храмомъ и улицей...

III.

Скажутъ:

„Къ чему такой ригоризмъ? Самъ Христосъ не чуждался торжищъ и бесѣды съ мытарами и грѣшниками“.

Такъ, конечно. Но не слѣдуетъ забывать и о томъ, что Онъ же заповѣдывалъ не метать, безъ разбора, бисеръ предъ свиньями и не повергать святыню псамъ. Значитъ, если Онъ не гнушался мытарей и грѣшниковъ, возсѣдавшихъ на торжищахъ, то — ради того нравственнаго добра, которое провидѣлъ въ нихъ, и котораго хотѣлъ для нихъ достигнуть. Съ другой стороны, Самъ же Онъ, Своимъ примѣромъ, показалъ, что святыня храма должна быть строго охраняема отъ прираженія къ ней и даже сосѣдства съ нею всего нечистаго и унижающаго (припомнимъ изгнаніе торгующихъ изъ храма).

Далѣе, хотя Христосъ и выходилъ на торжища, въ среду мытарей и грѣшниковъ, для обращенія ихъ въ

слѣдъ Свой, но Онъ началъ дѣлать это не прежде какъ, когда привлекъ къ Себѣ сердца народа Своимъ отшельничествомъ, Своею предшествовавшею жизнью въ уединеніи, послужившаго источникомъ многихъ дивныхъ слуховъ о Немъ, Его предварившихъ. Вѣрные Его примѣры и завѣтамъ, и подвижники христіанской вѣры и благочестія, Его ученики и носители Его Креста, никогда не сѣшлись со своею святыею на полные соблазна стогны градовъ и весей, но привлекали къ себѣ сердца уединеніемъ, подвигами, уклоненіемъ отъ толпы (таковы всѣ великіе аскеты — древней Церкви и наши). И это дѣйствительно самый вѣрный путь христіанской миссиі, — путь свободного обращенія, единственно по внутреннему движенію духа, и вмѣстѣ путь наименѣ сопряженный съ опасностію оскорбленія святыхъ невѣрными.

Но когда мы выносимъ святыею на площадь, чтобы чрезъ то вѣдшимъ образомъ приблизить ее къ народу, то мы начинаемъ не сначала, не съ главнаго, а съ конца и второстепеннаго. Большое заблужденіе думать будто народъ будетъ ближе къ Богу, когда къ нему близко поднесутъ святыею, хотя бы самъ онъ не чувствовалъ потребности къ ней приблизиться, точно также какъ великое заблужденіе думать, — это вторая форма современнаго „обмирченія“, — будто подъему религіозной жизни тамъ, гдѣ она еще не угасла, можно содѣйствовать путемъ подобнаго же вишняго же приближенія къ его разумнію, чрезъ разныя упрощенія или точнѣе, „опрошенія“ христіанскаго вѣро- и право-ученія.

Характернымъ признакомъ этой второй формы религіознаго „обмирченія“ является у насъ въ настоящее время усиленное стремленіе нѣкоторыхъ ревнителей давать народу въ рускомъ переводѣ, или даже въ упрощенномъ переложеніи, особенно чтимыя имъ священныя и освященныя церковнымъ употребленіемъ книги (напримѣръ, Четиі Минеи и пр.). Думать, будто это можетъ содѣйствовать подъему въ народѣ и обществѣ религіозности, значить, по нашему мнѣнію, обнаруживать недостаточное знаніе народной психологіи, съ одной стороны, и общихъ законовъ жизни религіознаго сознанія, съ другой. Священное должно поднимать до себя, а не спускаться до уровня вульгарныхъ воззрѣній массы, ибо тогда, чрезъ одно это, оно утратитъ свое обаяніе, авторитетъ и „святость“. Не даромъ же приснопамятный святитель Филаретъ, съ такою осторожною и поучительною медлительностію, соглашался на переводъ Священнаго Писанія на рускій языкъ и, когда согласился, то все-таки указалъ на преимущественную охранительную важность славянскаго текста (и греческаго). Но современные руководители общественно-религіознаго сознанія, забывъ объ этомъ, стремятся переложить на сравнительно-безцвѣтный рускій языкъ и другія книги освященныя церковнымъ употребленіемъ. Въ этомъ стремленіи есть, пожалуй, доля истины: иногда дѣйствительно славянскій текстъ требуетъ (подстрочныхъ) поясненій и указаній. Но отсюда не слѣдуетъ, будто все сплошь необходимо переводить и „упрощать“. Эта „популяризація“, подобно „демократизаціи“ свѣтскаго знанія, на нашъ взглядъ, способна иногда принести скорѣе вредъ, чѣмъ пользу: она можетъ отучить Русскій народъ отъ вѣками воспитанной въ немъ привычки строго отдѣлять религіозную жизнь отъ своей мірской и будничной жизни, — между прочимъ и чрезъ свой излюбленный церковно-славянскій языкъ, на которомъ въ теченіе тысячелѣтія онъ думалъ о

религіозномъ и „благочестивомъ“. Мы не говоримъ уже о томъ, что никакой, даже самымъ тщательнымъ образомъ исполненный, переводъ не можетъ равняться со славянскимъ текстомъ, — ни по выразительности, ни по красотѣ, полной въ славянскомъ языкѣ какой-то священной таинственности.

Нѣтъ, не сглаживая границы между Церковію и міромъ, не вынося святыею изъ храма на площадь, не „упрощая“ священную глубину и таинственность памятниковъ вѣры, вообще не обмирщая религіозныя начала жизни, но, наоборотъ, храня ихъ въ строгой неприкосновенности и возводя мірское до ихъ высоты, можно содѣйствовать дѣйствительному подъему современнаго религіознаго сознанія: Церковь будетъ тѣмъ дѣйствительнѣе въ мірѣ, чѣмъ строже ея служители будутъ проникнуты сознаніемъ что Она — учрежденіе не отъ міра. Иначе, „подъемъ“ будетъ лишь призрачный и недужный.

Да, — недужный, ибо слѣдуетъ разсматривать какъ серьезный и глубокий недугъ обмирченіе религіозныхъ началъ жизни, ослабленіе въ общественномъ сознаніи строгихъ православно-церковныхъ воззрѣній на жизнь, ради различныхъ модныхъ „вѣяній“ и мнимыхъ „требуваній времени“. Всѣ сдѣланныя въ этомъ направленіи уступки, какъ бы необходимыми онѣ теперь ни казались, будущимъ руководителямъ религіознаго сознанія, грядущимъ временамъ и поколѣніямъ придется исправлять и, конечно, — тѣмъ съ большею трудностію, чѣмъ большимъ увлеченіемъ подпадутъ поколѣнія настоящія.

(Моск. вѣд.).

Погрбеніе протоіерея Аванасія Ковалевскаго.

13 февраля послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни скончался на 76 году жизни нашъ уважаемый священнослужитель протоіерей Аванасій Ковалевскій. Покойный батюшка пользовался рѣдкимъ уваженіемъ и любовью не только со стороны его духовныхъ чадъ, православныхъ, но и со стороны иновѣрцевъ. Сорокъ два года покойный былъ настоятелемъ храма въ нашемъ городѣ и духовникомъ его православнаго населенія. Высокій ростомъ, съ неизмѣнно веселымъ лицомъ и патриаршею осанкой, покойный о. Аванасій одною своею наружностію располагалъ къ себѣ всякаго. Извѣстная же всѣмъ доброта души его, совершенное отсутствіе гордости и тщеславія, ласковое, со всѣми одинаково привѣтливое обращеніе, — заставляли привязываться къ нему всѣхъ знавшихъ его. Среди своихъ прихожанъ онъ слылъ подъ особымъ дружелоубнымъ названіемъ „батя“. Его личныя радости и печали почти всегда были раздѣляемы его окружающими. Памятенъ день празднованія пятидесятилѣтняго юбилея его священства, когда поднесены ему были сочувственные адреса и дорогіе подарки не одними только православными, но и старообрядцами, и евреями. Какъ день юбилея былъ общею радостью покойнаго съ мѣстнымъ населеніемъ, такъ и день его смерти является общею печалью того же населенія съ родными и близкими его. Какъ только звуки соборнаго колокола пронесли по городу извѣстіе о его кончинѣ, многіе еврей-торговцы закрыли свои лавочки и, собравшись въ синагогѣ, общею молитвой почтили память достойнаго челоуѣка. На панихиды, совершавшіяся на дому покойнаго, являлось множество простого люда, въ средѣ

кого были далеко не одни лишь православные. На третій день послѣ смерти о. Аеанасія въ мѣстномъ храмѣ была совершена заукоинная литургія и отиѣваніе. Церковь была полна народа. Послѣ глубоко прочувствованной прощальной рѣчи благочиннаго священника Владимира Василевскаго, рѣчи полной простоты и правды, наступила минута общаго прощанія. Уже во время сказанной рѣчи въ массѣ народа, окружавшаго гробъ, чувствовалась какая-то скрытая сердечная тревога, вызывавшая слезы. Началось прощаніе, какого я никогда не видалъ. Съ неудержимою силою со всѣхъ сторонъ хлынулъ народъ къ тѣлу своего батюшки. Доселѣ скрытая тревога разрѣшилась нескрываемыми рыданіями. Никакая сила воли не могла противиться глубокому умилению и слезамъ при видѣ этого трогательнаго выраженія любви къ замолчавшему навѣки пастырю. Казалось, въ эту минуту надъ его гробомъ сама смерть плакала слезами раскаянія. Это былъ по-истинѣ взрывъ лучшихъ, благороднѣйшихъ чувствъ человѣка къ человѣку, чувствъ, составляющихъ рѣдко встречаемую связь между священникомъ и окружающими его людьми.

Покойся же, добрый, любимый пастырь, въ селеніяхъ праведниковъ и молись за возлюбившихъ тебя въ той жизни, какъ ты молился за нихъ въ этой! Миръ праху твоему!

Церковный староста.

М. Великая Берестовица.

15 марта, на 19-мъ году жизни, скончалась отъ сыпного тифа учительница Великоберестовицкаго приходскаго училища Вѣра Платоновна Барановская. Покойная—дочь священника—въ раннемъ дѣтствѣ лишилась родителей, воспитывалась у своего дяди и три года тому назадъ окончила курсъ въ виленскомъ женскомъ училищѣ духовнаго вѣдомства. Получивъ назначеніе въ октябрѣ прошлаго года, В. П. прибыла къ мѣсту служенія полной силъ и энергіи, съ глубокой вѣрой въ свое дѣло, съ лаской и любовью къ своимъ ученикамъ. Трудолюбіе, искренная религіозность, доброта и свѣтлый взглядъ на жизнь привлекли къ ней симпатіи питомцевъ и знакомыхъ. Болѣзнь встревожила знакомыхъ ее, но всѣ надѣялись, что молодой организмъ выдержитъ. Неожиданная смерть разбила надежду.

Заукоинную литургію и погребеніе совершили священники: Некрасовъ, Поспѣловъ, Кречетовичъ и родственникъ покойной, Романовской. Пришли отдать послѣдній долгъ учительницѣ нѣкоторые лица изъ мѣстной интеллигенціи; были говѣвшіе крестьяне.

Грустно разстаться съ такой симпатичной личностью, трудно примириться съ неумолимою смертью, взявшей изъ нашей среды человѣка, только-что начавшаго свой жизненный подвигъ. Но тѣ, которымъ В. П. такъ ревностно, самоотверженно служила—дѣти, которыя восторженно называли ее „добрый барышней“, крестьяне остались безучастны къ ея судьбѣ. Какъ взглянуть на тотъ фактъ, что представители сельской власти не нашли нужнымъ дать подводу, чтобы привести изъ Свислочи врача?

Мы знаемъ, что къ больной прислугѣ волостного писаря привозятъ врача или фельдшера на лошадахъ сельской почты. Заболѣла учительница, которая служить

волости, ей отказываютъ въ подобной услугѣ. Неужели сельская власть не обязана приходить на помощь? Нѣтъ определенныхъ параграфовъ и пунктовъ по этому вопросу въ писанныхъ законахъ. Но неужели эти люди не знаютъ того закона, въ которомъ нѣтъ статей, параграфовъ и пунктовъ, который не требуетъ приспособленія къ фактамъ, который не нуждается въ изученіи и толкованіи, а всѣмъ понятенъ, всѣхъ руководитъ въ жизни. Не вѣрится, не хочется вѣрить. Но да не возглаголютъ уста мои дѣлъ человѣческихъ! Свѣтлая личность отошла въ лучшій міръ, гдѣ не потревожатъ ея легкія дѣла. Миръ ей праху! А въ нашей душѣ пусть хоть на этомъ темномъ фонѣ впечатлѣній будетъ живо и поучительно воспоминаніе о чистой душѣ. (Прод. губ. вѣд.).

А. П.

Чинъ введенія ¹⁾ новопоставленнаго пароха ²⁾.

Намѣстникъ ³⁾ или *отпоруччикъ* ⁴⁾ его, съ иными призванными къ сему іереи и съ новопоставленными парохомъ, облачаются въ епитрахили и фелони и по семъ пришедше къ дверемъ церкви, намѣстникъ начинаетъ обычно:

Благословенъ Богъ нашъ...

Ликъ: Аминь.

Царю небесный... Трисвятые, по Отче нашъ... іерей: Яко твое есть царство... Господи помилуй! Слава... И нынѣ... Приидите поклонимся...

И читается пс. (50): Помилуй мя, Боже...

По семъ діаконы: Господу помолимся!

Ликъ: Господи помилуй!

Начальствующій же іерей читаетъ сію молитву:

Простри, Господи, десницу небесная помощи Твоя на раба Твоего, да възыщеть Тя всѣмъ сердцемъ своимъ, и вся, ихъ же достойнѣ воспроситъ, достигнути сподобится. Яко благодѣи и чловѣколюбивый Богъ еси, и Тебѣ славу возсылаемъ Отцу и Сыну и Святому Духу, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ.

Ликъ: Аминь.

Посемъ вводимому вручаютъ ключи церковныя, глаголя:

Прими ключи сія, во еже ими отверзати и заключати, когда и имъ же подобаетъ во имени Господни.

Вводимый же, пріемъ ключи, отверзаетъ двери, и намѣстникъ вводитъ его въ церковь, глаголя:

¹⁾ Настоятель церкви при Императорскомъ Россійскомъ посольствѣ въ Берлинѣ, протоіерей Алексѣй Мальцевъ издалъ сборникъ (Берлинъ. 1898 года) чиновъ и древнихъ церковныхъ службъ православной католической восточной Церкви. Въ составъ сборника вошли и чины, или вышедшіе изъ употребленія въ нашей Церкви или же извѣстные только у западныхъ славянъ. Къ числу такихъ чиновъ относятся и предлагаемые здѣсь: „Чинъ введенія новопоставленнаго пароха“ и „Увѣщаніе о божественной литургіи, совершаемой отъ пресвитера первѣе по святомъ рукоположеніи и по пятидесяти лѣтѣхъ послѣ тогоже“; заимствованы они о. Мальцевымъ изъ Евхологіона или Требника, издавнаго во Львовѣ въ 1873 году, и заслуживаютъ вниманія всѣхъ, съ благоговѣніемъ относящихся къ пастырскому служенію.

²⁾ Приходскій священникъ, настоятель церкви ³⁾. Благочинный. ⁴⁾ Уполномоченный.

⁵⁾ По принятому у насъ: Яко благодѣи и чловѣколюбивъ Богъ еси.

Вниди въ домъ всевышняго Бога, Его же милостию призванъ еси къ служенію Ему, яко да со стадомъ тебѣ ввѣреннымъ сподобишия внити въ живость вѣчной Господемъ нашимъ Іисусомъ Христомъ, Ему же, съ безначальнымъ Его Отцемъ и съ пресвятымъ, благимъ и животворящимъ Его Духомъ, подобаетъ всякая слава, честь и поклоненіе, всегда нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь.

Посемъ вшеде въ св. алтарь, намѣстникъ, приступивъ къ престолу, глаголетъ къ нововведенному:

Властию и повелѣніемъ преосвященнаго Епископа (или Архіепископа, или Митрополита) N. N., вручаю тебѣ законное и дѣйствительное пѣданіе ¹⁾ сея церкви, поставляя тя правителемъ ея въ дѣлахъ духовныхъ и временныхъ, и паству душъ ея тебѣ ввѣряя, яже тако управлять имаша, яко да въ деръ суда о твоёмъ строительствѣ Богу отвѣтъ воздати возможши. И сего ради тебѣ отъ плодовъ и приходовъ ея тѣмъ, имъ же подобаетъ, тебѣ подавати повелѣваю. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь.

¹⁾ *Тоже новопоставленный парохъ любзаетъ св. престолъ, назнаменовавъ ся крестнымъ знаменіемъ; микъ же поетъ тропарь и кондакъ праздника или святаго, его же есть храмъ. И ударяютъ во вся кимвалы ²⁾. Также клиръ поетъ: Тебе Бога хвалимъ... По отпѣтїи же сего намѣстникъ или отпоручникъ его представляетъ новаго душпастыря собранымъ модель, поручая ³⁾ имъ, дабы его, яко своего отца духовнаго, почитали, ему съ любовію повиновалися и своя должности къ нему охотнѣ исполняли. Посемъ новопоставленный парохъ священнодѣйствуетъ Божественную Литургію съ ответною ⁴⁾ проповѣдью. Возратившимся имъ изъ церкви въ домъ пароха, глаголетъ намѣстникъ: Миръ дому сему!*

Отвѣтъ: И живущимъ въ немъ!

Намѣстникъ: Господу помолимся!

Отвѣтъ: Господи помилуй!

И чтетъ сію молитву:

Посѣти, Господи, жилище сіе, и вся козни вражія отъ него далече отжени; святїи Твои ангелы да пребываютъ въ немъ, сохраняюще живущія здѣ въ мирѣ, и да будетъ на нихъ благословеніе Твое: Отца и Сына и Святаго Духа, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ.

Ликъ: Аминь.

Увѣщаніе о Божественной Литургіи, совершаемой отъ пресвитера первѣе по св. рукоположеніи и по пятьдесяти лѣтѣхъ послѣ тогожде.

Новопоставленный пресвитеръ первѣе совершаетъ Св. Литургію о призываніи помощи святаго Духа, прибѣгая усерднымъ моленіемъ къ Божественному Утѣшителю и Освятителю, да будетъ ему всегда помощникъ въ дѣлѣ столь важномъ и святомъ, и да благословитъ и освятитъ вся дѣйствія чина его. Совершается же литургія сія обычно торжественнѣе при сослуженіи иныхъ іереевъ, и аще мощно, тѣкожде и діаконовъ. Кромѣ сихъ пристоятъ еще одинъ отъ старѣйшихъ пресвитеровъ въ епитрахили, наблюдая,

¹⁾ Завѣдываніе, настоятельство.

²⁾ Колокола.

³⁾ Наставляя.

⁴⁾ Вступительною, прївѣтственною.

да новопоставленный священнодѣйствующій іерей вся чиннѣ и лѣпообряднѣ совершитъ.

По совершеніи Божественныя Литургіи новопоставленный іерей возлагаетъ рудъ свои на главы присутствующихъ вѣрныхъ, благословляя кождо ихъ и глаголя: *„Да благословитъ тя Господь отъ Сїона: во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь.“* Творить же сіе сего ради во еже вѣрныхъ причастники сотворити благословенія того самаго Духа, Его же самъ получи во святомъ рукоположеніи. По нѣкуду же есть обычай глаголати: *„Возложу рудъ мои на главу твою, и здрава будеть“*, си есть, здрава смысломъ, разумомъ.

Аще же коему іерею Богъ изволитъ въ іерействѣ прожити 50 лѣтъ, тогда оны, воздая Всевышнему благодареніе о прїятныхъ отъ Него благодѣяніяхъ, паки совершаетъ святую литургію въ день прїятаго рукоположенія или въ иный день недѣльный или праздничный съ подобнымъ торжествомъ, якоже совершается первая литургія, и съ благословеніемъ. (Прил. Книг. Еп. Вѣд.).

Объ употребленіи древними христіанами цвѣтовъ при погребеніи.

Когда съ недавняго времени, особенно въ большихъ городахъ, утвердился обычай тѣла усопшихъ возлагать на печальныя колесницы и самую колесницу не рѣдко отовсюду и съ боковъ и сверху скорѣе нагромождать, чѣмъ украшать безчисленными и притомъ огромныхъ размѣровъ вѣнками изъ цвѣтовъ, — многіе справедливо не одобряли такую безмѣрную расточительность, прямо осуждали употребленіе вѣнковъ при погребеніяхъ и высказывались за отмену ихъ. Въ виду явнаго разногласія мнѣній о семъ предметѣ, является желательнымъ изслѣдовать обычаи древнихъ и посмотрѣть: существовалъ ли у древнихъ христіанъ обычай употреблять цвѣты при погребеніяхъ. Говоримъ при погребеніяхъ, ибо, что было въ обычаѣ разсыпать цвѣты на могилахъ, на это находимъ весьма ясныя указанія и Пруденція, Амвросія и Іеронима. Кладбища древнихъ христіанъ въ Римѣ (катакомбы), крипты (подземелья) у кубиклы (усыпальницы) украшены изображеніями цвѣтовъ всякаго рода то по одиночкѣ и врозь, то въ видѣ сноповъ и букетовъ, то въ видѣ вѣнковъ. Древнѣйшія части кладбищъ не менѣе украшены изображеніями цвѣтовъ, чѣмъ позднѣйшія и ближайшія къ ъ вѣку; тѣ даже много превосходятъ эти и количествомъ и качествомъ.

Но если легко разрѣшается вопросъ объ употребленіи цвѣтовъ на гробницахъ, — то не такъ легко объ употребленіи ихъ при погребеніяхъ, потому что, станемъ ли искать въ сочиненіяхъ или въ памятникахъ свидѣтельство, которое прямо и рѣшительно объясняло бы дѣло, не найдемъ ни одного. Значитъ, нужно искать рѣшенія путемъ догадокъ.

Во-первыхъ, всякій, конечно, видитъ, что сейчасъ нами сказанное относительно изображеній цвѣтовъ на гробницахъ на равномъ основаніи можно относить и къ цвѣтамъ при погребеніи. Но и помимо этого, думается, слѣдуетъ обратить вниманіе преимущественно на одно: древніе христіане при погребеніи своихъ выполняли по отношенію къ отшедшимъ изъ жизни всѣ тѣ обязанности, челолюбія и глубокаго почтенія, какія обычно оказывали имъ, язычники (только помимо суевѣрій и неприличія). Между

прочимъ они закрывали глаза умершаго, обмывали тѣло, умащали благовоніями, говорили похвальныя рѣчи въ собраніи, выносили тѣло со свѣчами и факелами. Далѣе, что дѣлали язычники, то христіане не оставляли; напротивъ, мы—если вѣрить Юліану Отступнику, который въ посланіи къ Арсакію жаловался, что христіанское суевѣріе (какъ онъ выражался) такъ сильно возросло, что послѣдователи его показываютъ особенную и чрезвычайную заботливость относительно умершихъ,—имѣемъ основанія думать, что христіане и все это (что дѣлали язычники) дѣлали съ большою тщательностію и другое еще прибавляли для большей торжественности похоронъ. Посему, если у язычниковъ было какое-либо употребленіе цвѣтовъ, не соединенное, впрочемъ, съ суевѣріемъ,—а оно несомнѣнно было,—то не представляется никакой причины, почему бы христіане стали отъ него отказываться. А язычники, кромѣ вѣнка изъ цвѣтовъ, полагаемаго на голову (чѣмъ христіане справедливо гнушались, какъ явнымъ знакомъ идолопоклонства, ибо этимъ обрядомъ тѣлу умершаго воздавалось такое же почитаніе, какъ идолу), осыпали вѣнками и цвѣтами и самыя носилки, какъ это имѣло мѣсто при погребеніи Виргиніи и любого другого изъ римлянъ. Итакъ, должно, кажется, согласиться, что и христіане дѣлали то же самое, съ достоинствомъ, впрочемъ, и умѣренностію.

Язычники порицали христіанъ единственно за то, что они не возлагали вѣнка на голову живыхъ ли то или мертвыхъ: относительно пользованія цвѣтами для чего-нибудь другого они, повидимому, не имѣли ничего, что можно бы поставить въ вину. Отсюда можно заключать, что христіане относительно употребленія цвѣтовъ для другихъ цѣлей были согласны съ ними. Поэтому, когда читаешь въ актахъ мучениковъ, что погребеніе ихъ совершалось съ великою торжественностію, не видишь, почему бы нужно было думать, что при такого рода пышныхъ празднествахъ не были въ употребленіи цвѣты. Ибо въ триумфальной пышности что можетъ быть обычнѣе, естественнѣе и торжественнѣе, какъ чествованіе цвѣтами и обиліе ихъ.

Но, скажутъ, никакихъ торжественныхъ погребальныхъ процессій не было у первенствующихъ христіанъ, которые, постоянно тревожимые преслѣдованіями, почти совершенно скрывались съ лица земли, или, если и допустимъ, что чествованіе цвѣтами имѣло мѣсто при погребеніи мученика, отсюда нельзя заключать, что оно было воздаваемо и прочимъ. Что касается перваго, достаточно будетъ замѣтить, что, что бы ни постановляли законы противъ христіанской религіи, христіане совершенно иного взгляда держались относительно всякаго рода погребеній; и язычники не порицали бы христіанъ за то, что они не возлагали вѣнка изъ цвѣтовъ на голову умершихъ, если бы не совершалось у христіанъ публичныхъ погребеній. Относительно втораго напомнимъ, что никакого религіознаго почитанія мучениковъ не происходило прежде, чѣмъ не будутъ признаны законнымъ авторитетомъ, Церкви, прежде, чѣмъ не будутъ канонизованы. Если мы допускаемъ, что при погребеніи тѣхъ мучениковъ, которые только что потерпѣли мученическую кончину, украшенія изъ цвѣтовъ были употребляемы, то по необходимости должно согласиться, что почести такого рода имѣла мѣсто и при погребеніяхъ впрочемъ христіанъ, хотя бы и въ гораздо меньшей степени.

Къ сказанному представляется необходимымъ добавить, что этотъ обычай употреблять цвѣты при самыхъ погребеніяхъ скоро прекратился. Иначе трудно понять, какимъ образомъ среди такого множества писателей о жизни христіанъ не нашлось ни одного, который сдѣлалъ бы объ этомъ предметѣ прямое упоминаніе. А что монументы не имѣютъ на себѣ ничего, прямо и открыто свидѣтельствующаго о томъ же, удивительнаго въ этомъ ничего нѣтъ, такъ какъ въ Римѣ ни язычники ни христіане не оставили на гробахъ никакихъ украшеній, ни живописныхъ ни скульптурныхъ, которыя самымъ дѣломъ изображали бы видъ и способъ погребенія.

Каково бы, впрочемъ, ни было употребленіе цвѣтовъ на гробахъ и при погребеніяхъ у древнихъ христіанъ, они и это и другія обязанности любви относительно тѣлъ своихъ почившихъ выполняли съ тою главнымъ образомъ мыслию, чтобы утверждать вѣру въ воскресеніе; но затѣмъ они могли опасаться, чтобы кто-нибудь, оставивъ въ сторонѣ божественныя жертвоприношенія, милостыню, молитвы и другія спасительныя дѣйствія (какими особенно отличались древніе), наиболѣе пригодныя доставлять облегченіе душамъ, чтобы кто-нибудь, довольствуясь только этою почестію цвѣтовъ, не подумалъ, что онъ достаточно сдѣлалъ для Бога и людей и для своихъ дорогихъ усопшихъ. Христіане могли подражать Паммахію, о которомъ говоритъ Иеронимъ: „прочіе мужья обсыпаютъ могилы своихъ супругъ фіалками, розами, лиліями и пурпуровыми цвѣтами и этимъ облегчаютъ свою сердечную скорбь. Паммахій нашъ священный пепель и досточтимыя кости орошаетъ бальзамомъ милостыни“. Они могли подражать Амвросію, который въ словѣ о смерти Валентиніана признается, что всѣмъ цвѣтамъ онъ предпочитаетъ Божественную Жертву. Онъ говоритъ: „не цвѣтами я осыпаю могилу его, но духъ его напитую благовоніемъ Христа. Пусть другіе сыплютъ лиліи полными корзинами, для насъ лилія—Христосъ. Имъ я освящу его останки“. (Яр. Еп. Вѣд.).

ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ

сборникъ духовныхъ пѣсенъ,

избранныхъ изъ Богогласника и переложенныхъ для хора

В. Г. ПЕТРУШЕВСКИМЪ.

Изданіе Подольскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей. Цѣна 35 коп. безъ пересылки, съ пересылкой 50 к. Обращаться въ Ред. Подольскихъ Еп. Вѣдом.

Редакторъ, Каѳедральный Протоіерей
Іоаннъ Хотовицъ.